

DOI: 10.31857/S241377150009501-4

**Медицинский рецепт как микротекст  
прозы и драматургии А. П. Чехова  
(на материале записных книжек писателя)**

© 2020 г. С. А. Кибальник

Доктор филологических наук,  
ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН,  
Россия, 195426, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4  
kibalnik007@mail.ru

*Дата поступления материала в редакцию 22 февраля 2020 г.*

*Дата публикации: 30 апреля 2020 г.*

**Резюме.** Статья построена на материале записных книжек писателя и в первую очередь на материале его недавно опубликованной “Записной книжки с рецептами для больных”. Сопоставление с ней позволяет прояснить смысл некоторых микротекстов чеховской прозы и драматургии. Особое внимание уделено природе символичности чеховских рецептов, которая, как отмечал А.П. Чудаков, вообще присуща у него “обычным предметам бытового окружения”. В статье рассматриваются такие произведения А.П. Чехова, как рассказы “Из дневника помощника бухгалтера” и “Средство от запоя”, повесть “Дуэль”, пьесы “Безотцовщина”, “Чайка”, “Три сестры”. Применительно к чеховской драматургии автор полагает возможным говорить не только о символичности, но и о факультативной “подтекстовости”, или криптографичности подобных микротекстов.

**Благодарность.** Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 16-18-10034, ИРЛИ РАН.

**Ключевые слова:** А.П. Чехов, медицинский рецепт, микротекст, записная книжка, проза, драматургия.

**Для цитирования:** Кибальник С.А. Медицинский рецепт как микротекст прозы и драматургии Чехова (на материале записных книжек писателя) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2. С. 5–12. DOI: 10.31857/S241377150009501-4.

**Medical Prescription as a Microtext  
of A. P. Chekhov's Prose and Drama  
(Based on His Notebooks)**

© 2020 Sergey A. Kibalnik

Doct. Sci. (Philol.),  
Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS,  
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia  
kibalnik007@mail.ru

*Received by Editor on February 22, 2020*

*Date of publication April 30, 2020*

**Abstract.** The article is based on the material of the writer's notebooks, and primarily on the material of the recently published Chekhov's "Notebook Containing Medical Prescriptions". The text of this notebook let us clarify some passages from Chekhov's prose and drama. Special attention is paid to the symbolism of Chekhov's prescriptions, which, as noted by A.P. Chudakov, is generally inherent in the writer's "ordinary objects of the household environment". Chekhov's stories "From the Diary of the Assistant Accountant" and "Means from a Binge", his tale "The Duel", his plays "Fatherless", "Seagull", and "Three Sisters" are touched upon in the article. As far as Chekhov's drama is concerned it is possible to speak not only about the symbolism of such microtexts, but about its optional "implications", or its cryptographical character.

**Acknowledgment.** The reported study was funded by RSCF, project no 16-18-10034, the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS.

**Key words:** Chekhov, medical prescription, micro-text, notebook, prose, drama.

**For citation:** Kibalnik, S.A. *Medicinskije recepty kak mikrotekst prozy i dramaturgii Chekhova (na materiale zapisnykh knizhek pisatelya)* [Medical prescription as a microtext of Chekhov's prose and drama (based on his notebooks)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 2, pp. 5–12 (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150009501-4.

Светлой памяти Александра Павловича Чудакова

# 1

Медицинский рецепт составляет существенную отличительную черту "предметного мира" героев Чехова и, соответственно, "мира писателя". В настоящей статье будет сделана попытка "установить основной принцип" "использования" его Чеховым в своем творчестве, а также рассмотрен вопрос о символичности такого микротекста. Ведь в "мире Чехова" она, как подчеркивал А.П. Чудаков, вообще присуща "обычным предметам бытового окружения" [1, с. 138, 170–171].

Как известно, Чехов был дипломированным врачом. В течение нескольких лет он занимался частной медицинской практикой, а своих близких и знакомых консультировал на протяжении всей жизни (см.: [2]; [3]; [4]; [5]). Ему не раз приходилось выписывать людям рецепты — как официально, по должности, так и частным образом, по дружбе или из сочувствия. "Моя подпись начинает принимать определенный и постоянный характер, — писал он Н.А. Лейкину 17 ноября 1885 г., — что я объясняю громадным количеством рецептов, которые мне приходится писать, — конечно, чаще всего gratis<sup>1</sup>" [6, т. 1, с. 69].

Тексты некоторых медицинских рецептов входят в состав его записных книжек и писем. Вел Чехов и особую записную книжку с рецептами. Разумеется, в своем чистом, так

сказать, фармакологическом виде медицинские рецепты представлены именно в них (см.: [7]).

Уже в письмах Чехова они появляются, естественно, в несколько ином виде. Рассмотрим характер подобной трансформации на одном примере.

В "Записной книжке с рецептами для больных" приведены два рецепта: "(Пломба для зубов)" и "(Полоскание при глумби<ровании> <?>)"<sup>2</sup>. Оба этих рецепта также вписаны (причем второй из них дважды) в его "<Записную книжку II>" [8, т. 17, с. 119]. И тот, и другой рецепты Чехов приводит в письме к Ал.П. Чехову от 12 мая 1893 г. Воспроизведены они в нем без особых изменений, но с пояснениями относительно их приготовления и применения. Вот в каком виде и контексте приведен первый из этих рецептов:

Зубы я глумбурую (так! — С.К.) так: беру кусочек Аристолевой марли такой величины, чтобы свернутый в комочек он заполнял собою дупло зуба; затем пачкаю этот кусочек в йодоформ, мну между пальцами в комочек и при помощи пинцета погружаю его в смесь:

Rp. Sandaraci<sup>3</sup>  
Aether. sulf.<sup>4</sup> aa 5,0

<sup>2</sup> Ранее эта запись предположительно прочитывалась нами как "(Полоскание <при?> зуб<ной?> боли <?>)" (см.: [7, с. 200]).

<sup>3</sup> Древесная смола (лат.).

<sup>4</sup> Эфир (лат.).

<sup>1</sup> "бесплатно" (лат.).

Подержав марлю в этом растворе не более 12 секунд, я спешу закупорить зуб. Пломба получается не твердая, но основательная в смысле крепости и живучести [6, т. 5, с. 208–209].

Аналогичным образом, приведя второй рецепт, Чехов поясняет, что это средство полоскания зуба “перед пломбировкой”, а в конце приводит сведения по его приготовлению и дозировке: “Берется сей жидкости 25 капель на стакан чайный воды. *Стакана для одной персоны хватит на два дня, а жидкости на целый век*” [6, т. 5, с. 209; курсив мой. — С. К.]<sup>5</sup>.

## 2

В ранних юмористических рассказах Чехов уже не ограничивается легкой шуткой, вкрапленной в рекомендации по применению, а подвергает микротексты рецептов различным трансформациям. Впрочем, в некоторые из них рецепты входят и в своем чисто фармакологическом виде. Так, например, в рассказе “Из дневника помощника бухгалтера” (<1883>) герой, страдающий от катара желудка, записывает: “Инбиря 2 золотника, калгана 1 1/2 зол., острой водки 1 зол., семибратней крови 5 зол.; все смешав, настоять на штофе водки и принимать от катара натошак по рюмке” [8, т. 2, с. 157].

Запись эта, с одной стороны, входит в комическую хронику самолечения героя: “Принимал декокт от катара желудка. <...> Одна старушка (Гурьевна) вчера говорила, что у меня не катар, а скрытый геморрой. Очень может быть! <...> Что бы такое от катара принять? Не принять ли цитварного семени?”. Заканчивается рассказ фразой: “Швейцар Паисий посоветовал от катара сулему употреблять. Попробую”. С другой стороны, она вписана автором в летопись надежд героя на продвижение по службе, которые он постепенно утрачивает: “А Клещев опять едва не угодил под суд: заложил еврею взятый напрокат фортепьян. И несмотря на все это, имеет уже Станислава и чин коллежского асессора.

<sup>5</sup> Видимо, основываясь на этом письме, Д. Рейфилд писал об Ал.П. Чехове: «Проведя пять месяцев в трезвости, Александр снова заболел “амбулаторным тифом” да вдобавок мучился от зубной боли, которую, по рекомендации Антона, лечил смесью сандароковой смолы, эфира и йодоформа» [9, с. 406]. Вместо “сандароковой смолы” стоило бы в переводе, наверное, использовать выражение “древесная смола”. И, главное, зубную боль Александр Чехов вряд ли лечил таким образом, потому что его младший брат-врач ясно написал ему, для чего предназначено это полоскание: “Перед пломбировкой зуб чистится и подвергается дезинфекции” [6, т. 5, с. 209].

Удивительно, что творится на этом свете!” и “*Того же года. Июнь, 7.* Вчера хоронили Глоткина. Увы! Не в пользу мне смерть сего старца!” [8, т. 2, с. 156–157].

Самому Чехову с молодых лет приходилось лечить<sup>6</sup>, а то и страдать от катара желудка<sup>7</sup>. Записи, как будто взятые из такого вот “дневника помощника бухгалтера”, нередко содержали и письма его знакомых. Так, Н.А. Лейкин в письме, посланном Чехову, правда, уже после выхода его рассказа, жаловался: “Все воюсь с желудком. Должно быть, здоровый катарисше. И висмут не помог. Прибавил гран кодеину на 10 порошков” (цит. по: [9, с. 184]). Все эти разнообразные — в том числе, возможно, и свои собственные, подчас также безуспешные — попытки быстро избавиться от этого далеко не романтического недуга, очевидно, послужили импульсом к созданию рассказа, в котором им наделен мелкий чиновник, несколько напоминающий гоголевского Поприщина (ср.: [10, с. 62–76, 99–100]).

В рассказе “Средство от запоя” (<1885>) представлен уже не рецепт, а, скорее, процесс приготовления самопальной смеси, предназначенной к избавлению от алкоголизма:

Гребешков вынул из жилетного кармана кусочек грязного мыла и сунул его в полуштоф. Когда водка вспенилась и замутилась, он принялся всыпать в нее всякую дрянь. В полуштоф посыпались селитра, нашатырь, квасцы, глауберова соль, сера, канифоль и другие “специи”, продаваемые в москательных лавочках. Комик пялил глаза на Гребешкова и страстное следил за движениями полуштофа. В заключение парикмахер сжег кусок тряпки, высипал пепел в водку, поболтал и подошел к кровати.

— Пей! — сказал он, наливая пол-чайного стакана. — Разом! [8, т. 4, с. 178].

Очевидно, в этом рассказе преломилась известная Чехову практика сочинения шуточных рецептов подобного рода. Сам же рассказ, по-видимому, породил неожиданный отклик. В Татьянин день 1886 г. А.С. Киселев прислал Чехову еще менее эстетичный и куда

<sup>6</sup> Так, например, в письме к Н.А. Лейкину от 23 августа 1884 г. — правда, уже больше чем через год после написания рассказа “Из дневника помощника бухгалтера” — Чехов сообщал, что он лечил “одну московскую актрису-дачницу от катара желудка” [6, т. 1, с. 123].

<sup>7</sup> “У меня дюжины две болезней”, — сообщал Чехов 20 мая 1893 г. И.И. Горбунову-Посадову [6, т. 5, с. 209], а 7 апреля 1887 г. жаловался Н.А. Лейкину на “желудочно-кишечный катар” [6, т. 2, с. 55].

более неудобоваримый стихотворный рецепт от похмелья<sup>8</sup>.

Использование медицинских рецептов в ранних юмористических рассказах Чехова, очевидно, связано с его собственной практикой комического их применения и выдумывания. Чехов не раз выписывал своим знакомым самые неожиданные рецепты. Так, тому же Н.А. Лейкину, которого тяготил большой живот, он посоветовал: “Найдите себе бонну-француженку 25–26 лет и от скуки тараканьте ее во все лопатки. Это хорошо для здоровья” [6, т. 2, с. 269]. Актрисе Малого театра К.А. Каратыгиной, которая пожаловалась ему, что ведущие актеры О.А. Правдин и И.А. Греков вынуждают ее играть в “Дон-Жуане” “Смерть”, Чехов сказал: «“Мадам, вы знаете, я доктор? Дайте мне листок бумаги, вот, закажите в аптеке и покончите с ними разом”. Читаю: “яд для отравления Правдина и Грекова”» [11, с. 578]<sup>9</sup>.

Говоря о раннем творчестве Чехова в целом, можно сказать, что не только в его прозе, но и в драматургии использование медицинского рецепта в основном имеет комический, а то и даже анекдотический характер. Так, в рассказе “Ночь перед судом” (1886), позднее переработанном в одноименную пьесу, герою, выдающему себя из донжуанских побуждений за доктора, в конце концов приходится выписать героине рецепт. И он пишет следующее:

Rp. Sic transit 0,05

Gloria mundi 1,0

Aquae destillatae 0,1

Через два часа по столовой ложке.

Г-же Съеловой.

Д-р Зайцев [8, т. 3, с. 122].

Вот как тот же рецепт “драматургически препарирован” Чеховым в одноименной пьесе; здесь он уже, соответственно, встроен в диалог мнимого “д-ра Зайцева” с преисполненным беспокойства за здоровье своей жены мужем, не вовремя прервавшим “осмотр” ее героем:

З а й ц е в. Sic transit... две драхмы... Gloria mundi... один унций... Aqua destillata... два грана...

<sup>8</sup> “½ унции-дристунции, 2 драхмы-засирахмы. Вместе все сложить. И говнофлеру подложить” (цит. по: [10, с. 179]).

<sup>9</sup> У Д. Рейфилда дело изображено так, будто бы Каратыгина обнаружила, какой рецепт ей выписал Чехов, только уже придя в аптеку [9, с. 286].

Вот будете принимать порошки, по три порошка в день...

Г у с е в. На воде или на вине?

З а й ц е в. На воде...

Г у с е в. На отварной?

З а й ц е в. Да, на отварной.

Г у с е в. Приношу вам искреннюю мою благодарность, доктор... [8, т. 12, с. 230].

### 3

Рецепт как таковой, конечно же, входит в текст и тех уже серьезных произведений зрелого Чехова, героями которых были больные и врачи. Например, в повести Чехова “Дуэль” (<1891>) X глава, в которой доктор Самойленко осматривает гражданскую жену Лаевского Надежду Федоровну, заканчивается так: “Самойленко сел и прописал хину в растворе, kalii bromati, ревенной настойки, tincturae gentianae, aquae foeniculi — все это в одной микстуре, прибавил розового сиропа, чтобы горько не было, и ушел” [8, т. 7, с. 406].

Поскольку, по словам самого Александра Давыдыча, у нее “обыкновенная лихорадка” [8, т. 7, с. 405], то он, собственно, прописывает ей хину (ср. выше: “Надежда Федоровна была чем-то больна. Самойленко говорил, что у нее перемежающаяся лихорадка, и кормил ее хиной” [8, т. 7, с. 365]). А все остальное — “бромистого калия” (kalii bromati), “настойки горечавки” (tincturae gentianae) и “укропной воды” (aquae foeniculi) вместе с другими столь же безвредными средствами — он прибавляет, скорее всего, “по принципу: не одно поможет, так другое” [12, с. 96].

Возможно, не в последнюю очередь Самойленко рассчитывает и на то, что “выписанная микстура может сыграть роль плацебо, то есть пустышки, которая помогает не составом, а только психологически” [12, с. 96]. Ведь то, что у Надежды Федоровны лихорадка, вовсе не факт: “...другой же доктор, Устимович, высокий, сухощавый, нелюдимый человек, который днем сидел дома, а по вечерам, заложив назад руки и вытянув вдоль спины трость, тихо разгуливал по набережной и кашлял, находил, что у нее женская болезнь, и приписывал согревающие компрессы” [8, т. 7, с. 365].

Самойленко от доброты души прописывает Надежде Федоровне многосоставное лекарство, хотя не убежден в том, что она действительно чем-то больна. Герой чеховской пьесы “Чайка” (<1896>) доктор Дорн составляет ему в этом плане полную противоположность:

С о р и н. Я рад бы лечиться, да вот доктор не хочет.

Д о р н. Лечиться в шестьдесят лет!

С о р и н. И в шестьдесят лет жить хочется. <...>

Д о р н. Надо относиться к жизни серьезно, а лечиться в шестьдесят лет, жалеть, что в молодости мало наслаждался, это, извините, легкомыслие [8, т. 13, с. 23–24].

При этом Дорн, по всей видимости, исходит из того, что от серьезных заболеваний у современной медицины средств нет, а пустяковые и сами пройдут. Первое, очевидно, имеет место в отношении состояния Сорина в финале пьесы:

С о р и н. Если вы нашли нужным выписать сюда сестру, значит, я опасно болен. (*Помолчав*). Вот история, я опасно болен, а между тем мне не дают никаких лекарств.

Д о р н. А чего вы хотите? Валериановых капель? Соды? Хины? [8, т. 13, с. 48].

Второй случай подразумевается в одной из начальных сцен:

Д о р н. (*Нине, которая подходит*). Как там?

Н и н а. Ирина Николаевна плачет, а у Петра Николаевича астма.

Д о р н. (*встает*). Пойти дать обоим валериановых капель... [8, т. 13, с. 26].

В этом плане образ Дорна, судя по всему, в самом деле автобиографичен. Ср. суждение на этот счет Д. Рейфилда: «О своей болезни Антон вообще ни с кем не заговаривал и едва ли предпринимал попытки лечить ее. Сказав Лейкину, что лечить глаза ему не стоит, “ибо и без лечения дело обойдется”, а жене Суворина, что “самое лучшее лечение при болезнях горла — это иметь мужество не лечиться”, и посоветовав певцу Миролюбову для укрепления здоровья лежать день и ночь, укрывшись с головой одеялом, и натираться настойкой из смородиновых почек, Чехов сформулировал кредо врача Дорна в будущей “Чайке”... <...> Суворину он посоветовал (совершенно в духе врачей из собственных пьес) принимать валериановые капли и иметь при себе складной походный стул» [9, с. 446, 392].

Впрочем, в отличие от Дорна, Чехов был серьезно болен и знал, что ему вряд ли что поможет. А в это время окружающие то и дело дергали его по пустякам.

#### 4

Кое-где медицинский рецепт в драматургии Чехова выступает как средство скрытой

характеристики доктора иного типа — такого, который не исполняет своих обязанностей как следует. Такой характер представлен в пьесах Чехова, созданных в самое разное время. В “Безотцовщине” (1877–1879) это “молодой лекарь” Трилецкий, в “Трех сестрах” (1900) — “военный доктор” Чебутыкин.

Герой первой из них, учитель Платонов, в ответ на шутовское приветствие Трилецкого “Господам родственникам!” (Платонов женат на его сестре) говорит ему:

А-а-а... Плохой лейб-медик ее превосходительства! Argentum nitricum... aquae destillatae... Очень рад видеть, любезный! Здоров, сияет, блещет и пахнет! [8, т. 11, с. 23].

Рецепт “ляписа”, растворенного в “дистиллированной воде” [8, т. 11, с. 23], на первый взгляд, кажется здесь лишь комическим обыгрыванием профессиональной принадлежности Трилецкого. Однако у него есть и другой смысл. Открывается он через знание о том, избавлению от какого недуга способствует этот рецепт. И, следовательно, имеет характер подтекста, доступного немногим: лишь врачам и пациентам, пользовавшимся этим средством.

Вот с какой пометой приведен этот рецепт в чеховской “Записной книжке рецептов для больных”: “(Зуд in ano)”. Сам же его текст выглядит в ней более полно, как и в чеховских письмах, включая также рекомендацию по применению:

Rp Aq.<uae> destil.<illatae> 300,0

Arg.<enti> nitr.<ici><sup>10</sup> 0,06

Ds. Смазывать ежечасно [7, с. 200, 208]

Все это имеет место уже в первом действии, когда характер Трилецкого и его профессиональные качества еще неизвестны читателю. В дальнейшем “молодой лекарь” в полной мере оправдывает выше приведенную саркастическую характеристику его Платоновым. Он неаккуратно посещает больных и не спешит к ним, даже когда состояние их самое тревожное [8, т. 11, с. 52, 73, 86, 107, 112–113, 142]. Прямому изображению неаккуратного исполнения героем его профессиональных обязанностей, таким образом, предшествует в “Безотцовщине” своего рода “фармакологическая аллюзия”.

#### 5

Такая особенность медицинского рецепта как микротекста присуща и чеховским “Трем

<sup>10</sup> сплавленной азотносеребряной соли (ляписа).

сестрам”. Анализируемый ниже фрагмент в рамках изучаемой нами темы в его творчестве уникален. В одно диалогическое высказывание героя включены сразу два рецепта.

В самом начале первого действия пьесы читаем:

Ч е б у т ы к и н (*читает на ходу газету*). При выпадении волос... два золотника нафталина на полбутылки спирта... растворить и употребить ежедневно... (*Записывает в книжку*.) Запишем-с! (*Соленому*.) Так вот, я говорю вам, пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка... Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов... [8, т. 13, с. 122].

Вначале чеховский герой выписывает из газеты тот же самый рецепт, который жена Чехова сообщила ему самому в письме от 12 сентября 1900 г. [9, т. 13, с. 431]. “Я тебе дам средство отличное, чтобы не лезли волосы. — писала в нем О.Л. Книппер. — А пока возьми ½ бут. спирту и всыпь 2 золотника нафталину и смачивай кожу — это очень хорошо помогает. Послушаешься? А то лысым нехорошо в Москву приехать — подумают, что я тебе волосы выдрала” [13, с. 188].

«Чехов ведет в пьесе столь характерный для него непрямой диалог с Ольгой Леонардовной <...>, — комментирует реплику Чебутыкина А.В. Кубасов. — “Ответ” возникает посредством перекодирования безусловного в условное, прямого, одноинтонационного слова в скрыто преломленное, двуинтонационное. Да и как иначе мог отнестись писатель к рецепту любимой женщины, если он давно был убежден в том, что рекламируемые средства для ращения волос отдают шарлатанством? <...> “Целительная” мазь для ращения волос подана здесь как заведомо шарлатанское средство» [12, с. 98].

Пожалуй, такой однозначности — также как и прозрачности для обычного читателя — в первой реплике Чебутыкина все же нет. Однако чеховский сарказм по отношению к этому “рецепту” проявляется и в том, что герой выписывает его “из газеты”. Как он сам признается вскоре после этого: “Как вышел из университета, так не ударил пальцем о палец, даже ни одной книжки не прочел, а читал только одни газеты...” [8, т. 13, с. 124].

Приведем еще раз вторую реплику Чебутыкина, обращенную уже к Соленому: “Так вот, я говорю вам, пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка... Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов...” [8, т. 13, с. 122]. На этом месте Ирина прерывает

Чебутыкина, но главное он уже сказал. Правда, опять-таки, как и в случае с репликой Платонова Трилецкому, назначение сообщаемого им Соленому рецепта большинству зрителей неизвестно. Следовательно, и смысл реплики Чебутыкина кажется такой же невнятицей, как и многое другое из того, что он говорит.

Снова только из специальной медицинской литературы того времени и, к счастью, также из чеховской “Записной книжки с рецептами для больных” можно узнать, что Чебутыкин сообщает Соленому не что иное, как средство от клопов и мух. Ср.:

Rp. Alumen<sup>11</sup>

Кипящий раствор

(От клопов; прибавлять alumen к штукатурке стен <\_> домов, конюшен — тоже и от мух) [7, с. 205].

“Пробочка” и “бутылочка” в варианте Чебутыкина появляются, должно быть, потому, что речь идет не о средстве предохранения от появления насекомых в помещениях, а о средстве их травли там, где они уже завелись (см.: [14, с. 97–100]).

Таким образом, выписав из газеты, по всей видимости, шарлатанское средство для ращения волос, Чебутыкин тут же дает Соленому другой, на сей раз, возможно, и в самом деле действенный, но также относящийся к чисто бытовой, сниженной сфере совет. Ведь именно этой сферы и касаются оба героя в своих разговорах.

Все это происходит опять-таки в самом начале первого действия, и данный рецепт, следовательно, снова имеет характер своего рода скрытой символической характеристики Соленого, предвещающей дальнейшее его поведение. Незадолго до этого Тузенбах говорит ему: “Такой вздор вы говорите, надоело вас слушать” [8, т. 13, с. 122], а вскоре после этого сам Соленый пророчит Тузенбаху: “Года через два-три вы умрете от кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб, ангел мой” [8, т. 13, с. 124].

Заслуживает внимания в этой связи то, что в конце первого действия Соленый сам упоминает других насекомых, относящихся к весьма близкому разряду с теми, с которыми его личность оказалась ассоциирована в туманном рецепте Чебутыкина:

<sup>11</sup> Квасцы.

В е р ш и н и н. А наливка вкусная. На чем это настоено?

С о л е н ы й. На тараканах.

И р и н а (*плачащим голосом*). Фу! Фу! Какое отвращение!..» [8, т. 13, с. 136].

Аналогичным образом скрытые символические автохарактеристики Чебутыкина посредством двух озвученных им медицинских рецептов в дальнейшем получают прямое подтверждение в его собственных признаниях:

А н д р е й. Сегодня я играть не стану, только так посижу. Нездоровится... Что мне делать, Иван Романович, от одышки.

Ч е б у т ы к и н. Что спрашивать! Не помню, голубчик. Не знаю [8, т. 13, с. 153].

Ч е б у т ы к и н (*угрюмо*). Черт бы всех побрал... подрал... Думают, я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего [8, т. 13, с. 160].

## 6

Выше обозначенные криптографические характеристики Чебутыкина и Соленого в начале «Трех сестер» в дальнейшем реализуются также и в поведении героев: безразличие первого из них и мстительность второго приводят к трагической развязке центральной сюжетной линии пьесы.

Случай с рецептом, который Чебутыкин сообщает Соленому, по-видимому, функционально-типологически близок к «Безотцовщине», где шутливый медицинский рецепт, произнесенный Платоновым в начале пьесы, оказывается своего рода эпиграфом к характеру Трилецкого. Только «фармакологическая аллюзия» разрастается здесь уже до своего рода подтекста.

Таким образом, диапазон применения медицинского рецепта в драматургии Чехова простирается от аллюзии до подтекста. По аналогии с понятием «факультативной интертекстуальности» (М. Риффатер) [15, с. 57] применительно к фармакологическому микротексту «Трех сестер» стоит говорить уже не только о его символичности, но и о факультативной «подтекстовости», или криптографичности.

Возможно, эта особенность присуща и другим чеховским «деталям-символам», принадлежащим «сразу двум сферам — «реальной» и символической — и ни одной из них в большей

степени, чем в другой» [1, с. 171–172]. Однако это уже тема другой статьи.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. — М.: Наука, 1971. — 296 с.
2. Меве Е.Б. Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова. — Киев: Здоровье, 1989. — 280 с.
3. Шубин Б.М. Дополнение к портретам: Скорбный лист, или История болезни Александра Пушкина; Доктор А.П. Чехов. — М.: Знание, 1989. — 256 с.
4. Coore Jh. Doctor Chekhov. A Study in Literature and Medicine. Chale: Cross Publishing, 1977. 159 p.
5. Polakiewicz L.A. The Image of the Doctor in Chehov's Works. Madison: University of Wisconsin, 1978. 169 p.
6. Чехов А.П. Полн. собр. сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. — М.: Наука, 1974–1983.
7. Чехов А.П. Записная книжка с рецептами для больных / Вступ. ст., подг. текста и примеч. С.А. Кибальника // Русская литература. 2018. № 2. С. 194–211.
8. Чехов А.П. Полн. собр. сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. — М.: Наука, 1983–1988.
9. Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова / Пер. Ольги Макаровой. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2018. — 895 с.
10. Чехов и Гоголь: К 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. Сб. научных трудов. — Симферополь: Доля, 2009. — 144 с.
11. Каратыгина К. Воспоминания о Чехове // Литературное наследство. Т. 68. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 578–586.
12. Кубасов А.В. Проза А.П. Чехова: искусство стилизации. — Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1998. — 399 с.
13. Книппер-Чехова О.Л. Воспоминания и статьи. Переписка с А.П. Чеховым (1902–1904). — М.: Искусство, 1972. Ч. 1. — 448 с.
14. Словарь фармацевтических названий и синонимов на латинском, русском, немецком и французском языках / Сост. А.Г. Клинге. 2-е испр. и доп. изд. СПб.: Изд. Риккера, 1911. LIII, 266. CCIX с.
15. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Пер. с франц. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 240 с.

## REFERENCES

1. Chudakov, A.P. *Poetika Chekhova* [Chekhov's Poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 296 p. (In Russ.)
2. Meve, E.B. *Medicina v zhizni i tvirchestve A.P. Chekhova* [Medicine in Chekhov's Works and Life]. Kiev, Zdorovie Publ., 1989. 280 p. (In Russ.)
3. Shubin, B.M. *Dopolnenije k portretam: Skorbnyj list, ili Istorija bolezni Alexandra Pushkina; Doctor Chekhov* [Addition to Portraits: The Mournful List, or the Story of Alexander Pushkin's Decease; Doctor Chekhov]. Moscow, Znanie Publ., 1989. 256 p. (In Russ.)
4. Coope, John. *Doctor Chekhov. A Study in Literature and Medicine*. Chale, Cross Publishing, 1977. 159 p.
5. Polakiewicz, L.A. *The Image of the Doctor in Chekhov's Works*. Madison, University of Wisconsin, 1978. 169 p.
6. Chekhov, A.P. *Polnoje sobranije sochinenij i pisem v 30 t. Pisma v 12 t.* [Complete Works and Letters in 30 Volumes. Letters in 12 Volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1983. (In Russ.)
7. Chekhov, A.P. *Zapisnaja knizhka s receptami dlya bolnykh* [The Notebook with Medical Prescriptions. Introduction, Publication and Notes by Sergei Kibalnik]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2018. No 2, pp. 194–211. (In Russ.)
8. Chekhov, A.P. *Polnoje sobranije sochinenij i pisem v 30 t. Sochinenija v 18 t.* [Complete Works and Letters in 30 Volumes. Works in 18 Volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1983–1988. (In Russ.)
9. Rayfield, D. *Zhizn' Antona Chekhova* [Chekhov: A Life]. Moscow, B.S.G.-Press Publ., 2018. 895 p. (In Russ.)
10. *Chekhov i Gogol': K 200-letuju so dnya rozhdenija N.V. Gogolya. Sbornik nauchnykh trudov* [Chekhov and Gogol: On the Bicentennial Anniversary of Nikolay Gogol's Birthday. Collection of Articles]. Sympheropol, Dolya Publ., 2009. 144 p. (In Russ.)
11. Karatygina, K. *Vospominaniya o Chekhove* [The Memoirs on Chekhov]. *Literaturnoye nasledstvo* [The Literary Heritage]. Vol. 68. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1960, pp. 578–586. (In Russ.)
12. Kubasov, A.V. *Proza A.P. Chekhova: iskusstvo stilizacii* [Chekhov's Prose: The Art of Stylisation]. Ekaterinburg, Uralskiy Gos. Ped. Un-t Publ., 1998. 399 p. (In Russ.)
13. Knipper-Chekhova, O.L. *Vospominaniya i statji. Perepiska s A.P. Chekhovym (1902–1904)* [Memoirs and Articles. Correspondence with Chekhov (1902–1904)]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972, part 1, 448 p. (In Russ.)
14. *Slovar' farmacevticheskikh nazvanij i sinonimov na latinskom, russkom, nemeckom i francuzskom jazykakh. Sost. A.G. Klinge* [Dictionary of Pharmaceutical Terms and Synonyms in Latin, Russian, Deutch and French Languages. Composed by A.G. Klinge]. Ed. 2. Saint-Petersburg, Izd. Rikera Publ., 1911. LIII, 266. CCIX p. (In Russ.)
15. Piegay-Gros, N. *Vvedeniye v teoriju intertekstualnosti* [Introduction into Theory of Intertextuality. Translated from French]. Moscow, Izd-vo LKI Publ., 2008. 240 p. (In Russ.)